

СОКРАТ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

ЕКАТЕРИНА МАЕВСКАЯ
Родилась в Москве в 1987 году. С отличием окончила Российский государственный университет нефти и газа имени М. И. Губкина и Институт журналистики и литературного творчества (диплом — сборник рассказов «Чужие небеса»).

Занималась в творческих семинарах Льва Аннинского, Леонида Бежина, Игоря Волгина, Евгения Жаринова. Печаталась в альманахе «Этажерна», «Литературной газете», «Независимой газете», журнале «Дружба народов» и др. Член Союза писателей Москвы.

Несколько раз прежде она уже приезжала к этому дому неподалеку от центра Москвы и не решилась подняться, позвонить в квартиру, заговорить. Сидела в машине подолгу и уезжала. Но сегодня что-то заставило ее собраться с духом. Открыл ей дверь сам зарегистрированный по адресу.

— Здравствуйте. Георгий Петрович? Разумовский?
— Точно, точно. А вы, наверное, доктор? Проходите.

Она посмотрела на него вопросительно, но прошла.

«Доктор — значит доктор», — подумала она.

— Проходите. — Он пригласил ее в гостиную. — Садитесь, — сказал он и закашлялся.

Она села на старый ровный широкий стул, а на соседний запрыгнул кот, большой, рыжий, пушистый, с роскошными белыми усами и спокойным и мудрым выражением лица. Она невольно улыбнулась ему, не решаясь без спроса прикоснуться к чужому животному. Он сидел и смотрел на нее пристально, но по-доброму, дышал спокойно и равномерно, и шерстяная грудь его ритмично вздымалась с каждым вдохом и сдувалась вновь. Густой хвост он демонстративно расположил полумесяцем вокруг себя и, будто хвастаясь, бросил на него косой взгляд.

— И ты тут? Давай-давай отсюда.

Заслышав голос хозяина, питомец поспешил освободить место.

— Давно врача ждете? — спросила она.
— Вчера должен был прийти, сегодня утром повторил вызов.
— Значит, участковый к вам обязательно еще придет.

— Как? А вы? Вы не участковый? — удивился он.
— Нет, я... — Она чуть замялась. — Я... из неврологии... нам передали сведения. Вы же лежали в больнице весной. При вашем заболевании нужно постоянно наблюдаться. Поскольку, как я понимаю, самочувствие несколько ухудшилось, я могла бы проконсультировать вас на дому.

Он не особо что понял, но, очевидно, не любя коротать время во всякого рода поликлиниках, больницах и прочих местах подобного рода, любезно согласился, чтобы молодая докторша посещала его. Тем более что она оказалась весьма хороша собой, а молодые женщины слишком давно бывали в этом доме. Она опрашивала его, как опрашивают врачи, выслушала симптомы. Ему показалось, она как-то странно всматривалась в него, но тут же поймал себя на мысли, что неврологи вообще, пожалуй, самые странные из врачей. Говоришь с ними, а они смотрят куда-то вне тебя — «мели, Емеля, твоя неделя». Да и слушала она его не перебивая.

Георгий Петрович разговаривал с ней как-то особо благожелательно и даже счел уместным предложить чаю с зефирками. Потом показывал свои африканские барабаны, маски и кубинские кастаньеты, остатки японского сервиза из полупрозрачного фарфора. Среди диковинных предметов единственной обычной вещью был его портрет в молодости, что стоял на пианино, — с выражением лица, точно как у Марчелло Мастроянни на открытках, популярных некогда в Советском Союзе.

— Лицо ваше знакомым мне кажется, — сказал он, прищуриваясь. — Встречались где?

— Вряд ли, — сдержанно ответила она, помечая что-то в записной книжке.

— Да нет, точно. Видел вас где-то...

— Ну, вы же, наверное, оформлялись в поликлинике. Или в больнице... Спорить не стану, — так же сухо добавила она. — Вот. Тут мой номер. Если будет какое-то ухудшение, звоните. Если улучшение, впрочем, тоже. — Она приятно улыбнулась ему.

— Значит, Ошанина Анастасия Георгиевна — это вы? — спросил он, взяв визитку.

Она не успела кивнуть, как кот запрыгнул к ней на колени, настойчиво требуя ласки.

— Паршивец какой! — воскликнул Георгий Петрович. — Давайте я его заберу...

— Нет-нет, он восхитительный. Как его зовут?

— Сократ.

— Сократ? Замечательно... Сократ... — Она ласково гладила кота, который на удивление оказался к ней весьма расположен.

— Он хороший человек, — заметил Георгий Петрович. — А с хорошим человеком и поговорить приятно...

Не такой уж он был и старик — этот Георгий Петрович. По документам значилось, что ему было всего-то немногим больше шестидесяти. Просто седой и уставший. За последнее время онкология измотала его. Под глазами отныне всегда тяжелели темные круги, а к кашлю он уже стал привыкать — тяжелому, запойному, при котором никак не мог вздохнуть полной грудью. Впрочем, только курение, к которому он пристрастился лет с семнадцати, ненадолго создавало иллюзию нормальности его существования. Вечерами Сократ непременно лежал у него на груди, они вместе смотрели телевизор, читали книги, заваривали чай. Он верил, что коты лечат, оттягивают болезнь. Тем более такие огромные, как его Сократ. Когда тот не хотел переходить с ним из комнаты в комнату, Георгий Петрович брал его под мышку, стаскивал с дивана, стула или стола (пребывать ему было позволено почти везде), и тот, как защелкнутая гармошка, растягивался вниз — почти до самого пола под собственной тяжестью — только беззвучно. Сократ не выказывал особого недовольства, а послушно, не вырываясь, безвольно следовал за хозяином.

Когда Анастасия Георгиевна навестила его в последующий раз, Георгий Петрович выглядел более опрятно, нежели в первую их встречу. Был выбрит и даже за неделю до этого посетил парикмахера. У Сократа тоже появился новый ошейник, правда, от блох, но зато красный. Георгий Петрович разговаривал с ней как-то особо благожелательно и даже счел уместным предложить чаю с зефирками. Потом показывал свои африканские барабаны, маски и кубинские кастаньеты, остатки японского сервиза из полупрозрачного фарфора. Среди диковинных предметов единственной обычной вещью был его портрет в молодости, что стоял на пианино, — с выражением лица, точно как у Марчелло Мастроянни на открытках, популярных некогда в Советском Союзе.

— Это вы? — негромко спросила она.

— Узнали? — Он улыбнулся.

Со времен последнего лежания в стационаре у него остался несколько искривленным уголок рта, застывший точно в полуулыбке, какую любили прорисовывать мультпликаторы у своих героев. Ей думалось, что его темные глаза, которые так завораживали на этом фото в рамке, выгорели от всех этих южных стран и казались теперь светлее ореха. Она не спешила уйти от него, как спешил бы на другой вызов к другому старику другой участковый врач или соцработник.

– Наверное, у вас очень красивые дети, – сказала она и перевела взгляд с фото на него. – Наверное, похожи на вас.

Он замялся, лицо сделалось напряженным.

– Было бы замечательно, если бы кто-то из них находился с вами, – добавила она.

– Это сложно, – сухо ответил он.

– Сложно? Работа не позволяет?

– Их нет.

– Извините, – сказала она сдержанно. – Я не знала.

– Нет рядом со мной, – уточнил он. – Так вышло. Там своя жизнь... И без меня она лучше. Я давно оставил их. Ее...

– ...Я просто говорю о том, что было бы хорошо, если бы кто-то помогал вам. Приятели, близкие, любимые... Ну, сами решите. – Она улыбнулась и еще раз посмотрела на него молодого на фотографии.

– А у вас дети есть? – вдруг спросил он.

– Да, двое – сын и дочь.

Он смотрел на нее и мысленно перебирал лица – кого она могла так напоминать ему. И отдельные черты, и еле заметная родинка на щеке, даже движения, голос – будто все это уже было с ним – казались знакомыми. Но ничего не приходило на ум. И безуспешные догадки сводились к тому, что он видел перед собой очень привлекательную молодую особу, по ощущениям внутренне настолько близкую ему, точно души их пересекались когда-то в другом измерении. Ему хотелось говорить и говорить с ней. Ему нравилось ждать ее прихода. Хотелось рассказать о себе и о своей завершающейся жизни, рассказать непременно что-то хорошее. Для своих лет – чуть за тридцать – она, ему казалось, была излишне застенчива. И ее смущение он принял на свой счет.

– ...Нравиться я вам не могу. – Он осторожно взял ее за руку. – Так что вам на самом деле нужно от меня?

– Чтобы вы поправились, Георгий Петрович. – Она чувствовала его широкую и мягкую ладонь. Было неловко и спокойно одновременно.

– Вы же знаете, что не поправлюсь!

– Этого никто не знает, – сказала она, высвободив руку и отступив чуть назад.

– Давеча был у своего онколога. Мне прописали курс химиотерапии. Снова... – сказал он отстраненно, как бы не про себя.

– Покажите мне ваше назначение, пожалуйста.

– Еще травиться за собственные деньги... Потом лысеть, и чтобы еще мутило целыми днями... – недовольно и зло говорил он. – Все это я уже проходил.

– От лечения отказываться нельзя, – прервала она.

– Ради чего? Несколько месяцев? Я даже свой день рождения проспал... Отвратное самочувствие было... – Резким движением он протянул ей выписку.

– ...Да вот хотя бы ради Сократа. – Эти ее слова заставили его улыбнуться.

– В лучшем случае по квоте препараты предоставят во второй половине октября. – Он махнул рукой.

– Так это же почти через три месяца...

– Вот и я говорю. Может, и не понадобится уже.

В следующий свой визит она появилась у него достаточно поздно, без звонка и даже не хотела заходить. Просто в дверях отдала ему пакет. Там были препараты – химиотерапия, необходимая ему. Он попытался поинтересоваться, как и почему ей удалось достать их так скоро. Она ответила что-то невнятное про квоту и связи, попросила начать принимать незамедлительно и поспешила уйти, сославшись на занятость.

Организм воспринимал лечение тяжело. В одно утро, когда он не мог сделать даже глотка воды без того, чтобы та мгновенно не попросилась обратно, Георгий Петрович взял машинку для стрижки. Она оставалась у него с давних времен – когда он еще был интересен женщинам и носил усы, которые требовали чуть ли не ежедневного ухода и подравнивания. И, к изумлению Сократа, наблюдавшего за ним со стиральной машины, начал состригать свою роскошную седую шевелюру. Прядь за прядью. Ему не хотелось в скором времени собирать ее клочьями, снимать с расчески, находить на подушке, смывать в душе. Движение за движением – и густые пепельные волосы падали в раковину, пока дело не было кончено.

– Вот так, брат, – заключил он и погладил Сократа. – Вот и все.

Он открыл ей дверь, и с порога она почувствовала резкий запах алкоголя. Он крепко стоял

на ногах, но глаза были мутные. Он сопроводил странным жестом свое якобы вежливое «проходите». И добавил: «Ждал, ждал вас сегодня... Очень, признаться, ждал».

- Вам будет нехорошо оттого, что вы выпили, – сказала она, пройдя в комнату. – Я имею в виду – с лекарствами.
- Нехорошо? – переспросили он. – Да, знаете, мне все время нехорошо... До того нехорошо, что аж поскорее сдохнуть хочется. Это, кажется, ваше, Анастасия Георгиевна. – Он протянул ей чек.

Чек был на восемьдесят шесть тысяч с копейками; лишь несколько дней спустя он нашел его на самом дне в пакете с препаратами. Смотрел на нее долго, и взгляд его казался еще более суровым от теней под глазами.

- Вам нельзя было ждать эти три месяца... – проговорила она негромко, как бы оправдываясь.
- Я справился в поликлинике. Ничего не хотите мне сказать? Так вот – вы там не значите. И от больницы вас тоже не назначали. С каких пор врачи из стационара приходят на дом к больным, да еще и не своим? Не вы вели меня в больницу.

Она подумала, что сейчас как раз тот момент – и она скажет ему.

- Так, может, вы аферистка какая? Почитали там у себя в картотеке про мою энную стадию, смекнули... Гляди, начнешь обкалывать чем-то таким эдаким. А я да и подпишу тебе все, что потребуешь. Так просчитала?..

Она слушала его молча. А он не унимался.

- Так вот знай: если что, тебя вытряхнут из этой квартиры. Я не один...
- Один, – сухо оборвала она его. – И вы правы: я действительно это знаю.

Она вышла из комнаты и успела только подойти к входной двери, как услышала грохот позади себя, будто тяжеленный мешок бухнул оземь. Вбежала в комнату и увидела его на полу.

В больнице диагностировали микроинсульт. Подержали под капельницами, привели в относительную норму. Поскольку неслучайно попал он в ее отделение неврологии, отношение к нему было самым обходительным. Лечащий врач навещался часто, был приветлив, внимателен и лишь пару раз обмолвился, что Анастасия Георгиевна Ошанина удаленно участвовала в его лечении. Вставать, выходить из палаты категорически не рекомендовалось. Он был один – соседа забрали

на процедуры, – когда спустя полторы недели его пребывания там вошла она. Он тут же отложил электронную книгу, приподнялся на постели, расправил одеяло.

- Как вы себя чувствуете, Георгий Петрович?
- Нормально... – пробормотал он. – Хорошо уже. Вполне... Отлично.
- Рада за вас. – Белый халат и больничные стены делали ее строже, чем когда она бывала у него дома.

Ему показалось, что она собиралась задать один этот вопрос и уйти почти сразу – заглянула к нему только, что называется, по долгу.

- До меня дошли слухи, что вы руководите отделением, – сказал он, улыбнувшись с усилием.
- И. о., – ответила она сдержанно.
- Ну, все равно... Это вам я должен быть благодарен за все: за лечение, за отношение...
- Вовсе нет, – перебила она. Взгляд ее был холодный, отрешенный. Она стояла подле постели, разглядывая его по-врачебному бесстрастно. – Госпитализированы вы по скорой, лечитесь по ОМС, персонал у нас действительно хороший и внимательный. Лечащий врач находит необходимым сделать вам контрольную МРТ, после чего, надеюсь, подготовит к выписке. Следите за сахаром. Прочее, насколько это возможно, у вас в пределах нормы. Затем вы уже спокойно будете заниматься исключительно своим основным заболеванием, которое, к сожалению, никуда не делось.

- Вы сердитесь. Я обидел вас. Вы знаете... это даже не моя квартира, – вдруг выпалил он. – Она принадлежит племяннице. Сестры давно нет. Племянница за границей, за граница далеко... Вот и все. И я даже никому не могу быть интересен. Как кретин себя повел. Простите меня, Анастасия Георгиевна! Наговорил вам всего, обхамил. Сам от себя натерпелся. Вы не заслуживаете этого. Простите еще раз дурака старого... – И как бы для убедительности взял ее за руку.

Она смотрела на него, уже идущего на поправку, смотрела пристально и долго – что ему даже сделалась неуютно от затянувшейся паузы.

И вдруг заговорила, чеканя каждое слово с той размеренностью, с которой падают последние капли после дождя:

*Я пойду куплю дуду,
Я на улицу пойду.
Громче, дудочка, дуду,
Мы играем, ты – води.*

– А еще помните? Другую...

*У Литейного моста
Я поймал в Неве кита,
Спрятал за окошко,
Съела его кошка.
Помогали два кота,
Вот и нет теперь кита!
Ты не веришь другу?
Выходи из круга!*

– А я вот с детства помню. Как говорить научилась. С тех пор и из головы не выходит... Считалки эти. Ваши.

– Настя... – пробормотал он. – Настя! – крикнул ей вслед, когда она вышла из палаты. Но, обмотанный капельницами, не решился вскочить с постели.

Она не отвечала на его звонки. Но он все равно звонил. Он знал, каким примерно будет его исход. Он понял вдруг, что в ней он угадывал черты ее матери. Но не такой длинной оказалась жизнь, чтобы он не вспомнил их теперь. Настя так и не ответила. Звонить он перестал. Через кое-какое время она решила все же поехать к нему.

– Вы же по объявлению?

Ей открыла незнакомая женщина, возрастная, больше походившая на помощницу по дому, нежели родственницу.

– По объявлению? – растерянно переспросила Настя.

– Да... «Кот Сократ в добрые руки», – ответила женщина и пригласила войти.

Навстречу ей в холл вышел тот самый кот – Сократ, большой, рыжий, невозмутимый – и, как обычно, проговорил свое протяжное «мяу» в знак приветствия.

Она смотрела на Сократа и на ту пустоту, которая начиналась прямо за его хвостом. Старый паркет не скрипел под его лапами, как скрипел под шагами хозяина. И кашель больше не доносился, и тяжелое дыхание успокоилось. Только многолетний запах табака, пряный и въевшийся, еще исходил от стен. Сократ подошел прямо к порогу, расположился вальяжно и повторил свое настойчивое «мяу». Она опустила на корточки, посмотрела в его желто-пчелиные глаза, осторожно погладила пушистую щеку – тот заурчал от удовольствия, прищурившись, и даже чуть наклонил голову, будто ложась на ее ладошку. В голове отчетливо промелькнуло последнее отцов-

ское «Настя...», когда он окликнул ее в тот день в больнице перед выпиской, а она посмотрела на него и ушла. Чтобы он никогда не увидел ее слез. Шла так стремительно, не смея бежать на глазах у коллег, не поднимая головы, не оборачиваясь, до самого лифта, и вздохнула только тогда, когда двери его затворились и он тронулся – то ли вверх, то ли вниз.

Он перестал звонить, потому что его не стало.

Настя посмотрела на ту женщину снизу вверх – точно из своих четырех лет, – а та, расплывшись в доброй улыбке то ли от кошачьего урлыкания, то ли от предвкушения, что наконец сбегрит кота, спросила: «Ну? Ну? Берете?» И, будто видя лицо отца перед собой, мужественное и спокойное, будто все еще ожидая его одобрения, только одно смогла проговорить в ответ: «Да... По объявлению».

